

ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КЛАССИКА

ДАНИЕЛЬ
ДЕФО
РОБИНЗОН
КРУЗО

«МАЛЫШ»

Детская иллюстрированная классика

Даниэль Дефо

Робинзон Крузо

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Дефо Д.

Робинзон Крузо / Д. Дефо — 1719 — (Детская
иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-17-115296-3

«Робинзон Крузо» – знаменитый роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» о выживании человека на необитаемом острове. Робинзон оказался совершенно один на острове посреди океана. Ему предстоит проявить свои лучшие качества: смекалку, трудолюбие и осторожность, чтобы выжить. Роман представлен в пересказе писателя и переводчика Леонида Яхнина. Иллюстрации художника Леонида Цхе. Книга отлично подойдёт для первого знакомства юных читателей с удивительными приключениями. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-115296-3

© Дефо Д., 1719

Содержание

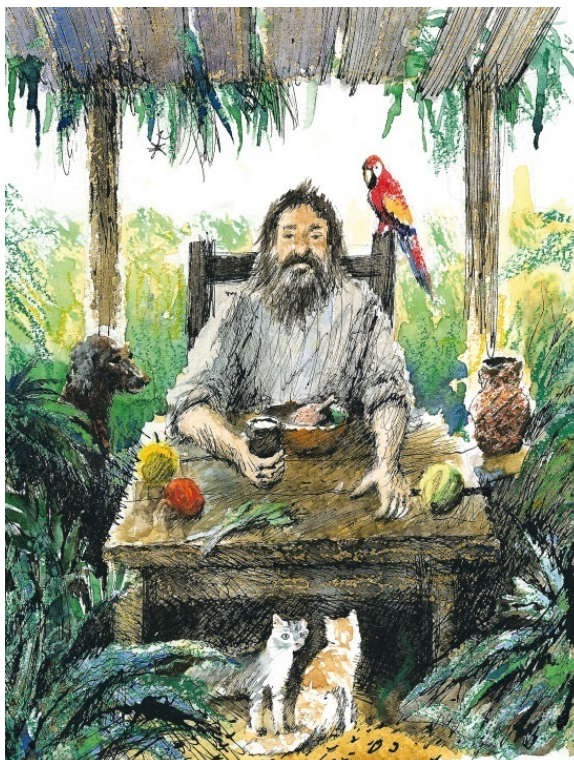
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	18
Глава седьмая	21
Глава восьмая	23
Глава девятая	25
Глава десятая	27
Глава одиннадцатая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ДАНИЕЛЬ
ДЕФО
РОБИНЗОН
КРУЗО

Даниель Дефо
Робинзон Крузо

ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КЛАССИКА

Пересказал Леонид Яхнин
Рисунки Леонида Цхэ

© Яхнин Л.Л., насл., сокращенный пересказ, 2019
© Цхэ Л.Ю., ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая КРУШЕНИЕ

Под низким черным небом грозной чередой ходили лиловые горы. Пронизанные вспышками молний, они вдруг загорались изнутри зеленым светом. По-змеиному шипели их пенистые вершушки. Хищно изгибались эти лилово-изумрудные глыбы и мгновенно рушились со стеклянным звоном. В этом реве, шипении и грохоте тонули хлопки разрываемых парусов, треск ломающихся грот- и фок-мачт, стоны и вопли погибающих моряков.

Беспомощный корабль клевал кипящую воду крохотной уточкой-нырком. Море заглатывало свою жертву, размалывая ее драконьими зубами рифов.

– Спустить на воду шлюпку! – крикнул капитан.

Матросы кинулись к правому борту. В этот момент корабль бросило на риф. Шлюпка, прикрепленная к борту, кракнула и лопнула, как скорлупа ореха. Люди в панике заметались по накренившейся палубе.

– Левый! Левый борт! – срывающимся голосом кричал капитан.

По счастью, оставалась пока невредимой вторая шлюпка, висевшая над бушующей стихией у левого борта. Обрубить стропы и спустить шлюпку в объятия бушующих волн было для привычных к морской работе рук делом минуты. Матросы кинули в нее весла и попрыгали один за другим. Но теперь они оказались в полной власти безжалостной стихии. Шлюпку вознесло на гребень гигантской волны и низвергло в ревущую пучину. Следующая волна снова подкинула ее вверх и, ломая весла, перевернула. Людей мгновенно растащило в разные стороны. То тут, то там мелькали воздетые к небу руки, голова с разверстым в беззвучном крике ртом, крутящееся в водовороте воды безвольное тело.

Вскоре все было кончено. Разбушевавшееся море беспечно играло обломками мачт, обрывками парусов, пустыми бочонками, расщепленными досками, перекидывая их с волны на волну и подгоняя постепенно к скалистому берегу. А там вокруг острых скал завивались и вздыбливались вихревые потоки воды, будто необъезженные кони с пенными гривами. Из туманного облака брызг от валуна к валуну, словно мостики, вырастали круто изогнутые радуги.

Море поглотило свою добычу и постепенно успокоилось. Лишь легкие буруны и завихрения напоминали об улетевшей буре.

Глава вторая СПАСЕНИЕ

В узкой бухточке обессиленные волны влажными языками лизали усеянную водорослями песчаную косу, оставляя за собой неровную темную полосу. По песку в беспорядке были разбросаны два непарных башмака, матросский белый берет с голубым помпоном и три помятые шляпы с широкими полями. У самой полосы прибоя неподвижно лежал, распластав руки, человек в разорванной полотняной рубаше и коротких панталонах. Над прибрежными зарослями папоротников стояло море испарений, быстро съедаемых жаром раскаленного солнца.

Волна коснулась ног человека лежащего на песке. Он пошевелился. Открыл глаза. И резко приподнялся. Вдали, за грядой рифов лежал на мели корабль с высоко задранной квадратной кормой.

– Боже! – прошептал человек. – Каким чудом я мог добраться до берега?

Он огляделся кругом. Заметил на песке пару непарных башмаков и матросский берет. Неужто спасся только он один? И сколько же часов или, может быть, дней пролежал он здесь? Бедняга с трудом поднялся на подгибающихся непослушных ногах. Песчаная коса упиралась в гряду безжизненных скал. Кое-где между ними росли гигантские деревья.

Первой его мыслью было забраться на дерево и понять, куда он попал. Остров это или материк? Есть ли надежда увидеть человеческое жилье? Безмолвная тишина его угнетала. Кто мог таиться за этими скалами? Дикие звери? Дикари? Тогда тем более надо поскорее добрести до спасительных деревьев.

Он постоял несколько минут, чтобы собраться с силами, и двинулся вперед. Ноги увязали в песке, солнце пекло и слепило глаза. Но смятение, поселившееся в душе, заставляло его почти бежать. Наконец, он добрался до первого дерева. Толстое, ветвистое, оно напоминало

громадную ель, но только усеянную колючками. Цепляясь за густо растущие ветви, он не без труда, раздирая ладони в кровь, пополз почти до верхушки. И обомлел.

Кругом со всех сторон простиралось море. Теперь ему до конца стала ясна его горькая участь: он заброшен на остров! Если даже его не растерзают хищные звери, не убьют дикари, ему суждено умереть от голода. Ведь у него не было никакого оружия, чтобы защищаться и охотиться. В кармане оставалась лишь небольшая курительная трубочка и кисет с намокшим табаком. А если на острове нет пресной воды, то ему грозит не только голодная смерть, но и ужасная гибель от жажды.

– О, отец, – прошептал он, – как же ты был прав!

Глава третья ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Воспоминания нахлынули сами собой. Еще ребенком, когда его звали не господин Крузо, а просто по имени – Робинзон, – он мечтал о морских путешествиях. Едва достигнув восемнадцати лет, юноша вознамерился выйти в море на корабле, отправлявшемся в Лондон. Долго уговаривали его родители не делать этого опрометчивого шага.

– Придет время, – толковал отец, – когда ты пожалеешь, что пренебрег моим советом, но тогда, может статься, некому будет помочь тебе исправить сделанное зло.

Не прислушавшись ни к увещаниям сурового отца, ни к мольбам добросердечной матушки, юный шалопай Робинзон Крузо тайком сбежал из дома и 1 сентября 1651 года сел на корабль и вышел в море. И провидение не замедлило преподать ему жестокий урок. Едва только корабль вышел из устья реки в открытое море, как разразилась ужасная буря. Высокие валы поднимались над бортом и обрушивались на палубу, грозя смыть палубные постройки, деловито суетившихся матросов, сломать мачты.

Юноша, никогда прежде не ходивший в плаванье, новичок в морском деле, уже готовился к гибели в пучине морской. Он возносил молитвы и давал себе клятву, что если ему будет суждено спастись, если нога его снова ступит на твердую землю, он сейчас же воротится домой и никогда больше не сядет на корабль.

– Отец, отец, – причитал он, – почему я не внимал твоим предостережениям?

Но буря миновала, поверхность моря разгладилась, и Робинзон забыл все свои страхи, а вместе с ними растаяло раскаяние, позабылись все клятвы. Оказавшись в Лондоне, он почти сразу сел на корабль, отправлявшийся в Африку, к берегам Гвинеи. Это путешествие вышло удачным. Робинзону Крузо даже удалось неплохо заработать. С тех пор он не однажды выходил в море на различных кораблях и заделался, как ему казалось, вполне опытным мореходом. Теперь он, как заядлый моряк, без боязни отправлялся в самые рискованные походы. Но беда, затаившись до поры до времени, поджидала его.

Началось с того, что Робинзон Крузо нанялся на судно, державшее курс на Канарские острова. Вблизи африканских берегов за ними на всех парусах погнался турецкий корсар. Отчаянно сопротивлявшиеся моряки не могли устоять против вооруженных до зубов пиратов. Пленников отвезли в турецкий порт и продали в рабство маврам. Робинзон Крузо стал невольником капитана пиратов. Целых два года он исполнял в доме своего господина самую черную работу.

Снова и снова повторял он с горечью:

– О, как ты был прав, отец!

И все же судьба благоволила к несчастному рабу. Ему удалось на небольшом баркасе вырваться на свободу. После долгих приключений Робинзон Крузо попал в Бразилию. Здесь он начал работать на уборке сахарного тростника. По прошествии нескольких лет он и сам стал владельцем небольшой плантации. Казалось бы, жизнь его наладилась, но легкомыслие и жажда приключений снова вовлекли его в пучину бедствий.

И вот 1 сентября 1659 года, ровно через восемь лет после побега из дома, Робинзон Крузо взошел на корабль, державший курс на Африку. Но уже на полпути их застала сильнейшая буря. Корабль, несомый ветром и волнами, оказался далеко от торговых путей. Шторм не стихал. Теперь можно было надеяться только на чудо. И вновь Робинзон вспомнил слова отца:

– ...и некому будет помочь тебе...

Вот она, кара за непослушание! Он уже прощался с жизнью, но, видно, судьба сулила ему не смерть, а долгие и трудные испытания. Несчастного выкинуло на необитаемый остров...

Глава четвертая СУНДУКИ И РУЖЬЯ

Воспоминания о многолетних невзгодах вдруг придали Робинзону сил. Он в последний раз бросил взгляд на торчащий из моря остов корабля. Там, может быть, сохранились не тронутые водой запасы пищи и кое-какая одежда. Начался отлив, и заливчик настолько обмелел, что добраться до корабля, казалось, не составит труда. Он и впрямь сумел подойти к кораблю почти посуху так близко, что оставалось проплыть метров двести.

Нос корабля полностью ушел в воду, а корма поднялась настолько, что показалось усеянное раковинами днище. Вскрабкавшись на бак, Робинзон обнаружил, что весь запас провизии остался сухим. Мучимый голодом, он первым делом направился в кладовую, разорвал мешок с сухарями, набил ими карманы и грыз на ходу, одновременно обшаривая залитый водой трюм, матросские кубрики, капитанскую каюту.

Добыча оказалась неожиданно большой.

Сухари, три круга голландского сыра, пять кусков вяленой говядины, мешочек потравленных мышами зерен ячменя, бочонок вина.

Два охотничьих ружья, два пистолета, пороховница, мешочек с дробью и две старых сабли, три бочонка пороху.

Запасы плотника: два мешка с гвоздями, отвертка, десятка два топоров, точило, стамеска. Три железных лома, два бочонка с ружейными пулями, семь мушкетов и большой мешок с дробью.

Камзолы, сапоги, рубашки, крепкие полотняные штаны. В капитанской каюте он, к своему удовольствию, обнаружил три бритвы, большие ножницы и дюжину вилок и ножей. А в отдельном ящичке лежали деньги. Робинзон с усмешкой подержал на ладони серебряные и золотые монеты и без сожаления ссыпал их обратно.

«Ненужный хлам, – прошептал он. – Зачем они мне теперь?»

Зато веревки, запасной парус, гамак и несколько тюфяков и подушек были просто неоценимой находкой. Робинзон попытался взять и бурт корабельного каната. Но ему было не под силу поднять эту тяжесть. Тогда он топором разрубил этот неподъемный, толщиной с руку канат на куски и набил ими пустой мешок.

На этом он успокоился. Но как переправить весь этот такой непосильный груз на берег?

И Робинзон принялся за сооружение плота. Он спустил на воду обломки мачт, стеньги и реи, перекинул за борт несколько бревен полегче, предусмотрительно привязав каждое веревкой, чтобы не унесло течением. Теперь оставалось самому спуститься на воду и, подогнав бревна одно к другому, стянуть их веревками и укрепить положенными поперек реями и досками. Получился неказистый, но зато довольно надежный плот.

Робинзон вытащил на палубу три матросских сундука, опорожнил их и один за другим спустил на свой плот, покачивавшийся на прибывавшей воде: начинался прилив, и надо было спешить. Он лихорадочно загружал сундуки, спускал на веревках бочонки, когда откуда-то из глубины корабля послышался жалобный лай...

Глава пятая ПЕРВЫЙ ДРУГ

Робинзон замер. Он уже отчаялся услышать не то чтобы человеческий голос, но любой звук, напоминающий о прежней жизни. В следующее мгновение он снова оказался на палубе и ринулся по крутому трапу вниз, откуда доносился теперь уже радостный визг.

Почему же пес молчал раньше? Робинзон буквально скатился с узких ступенек и поспешил вдоль коридора с рядом дверей, ведущих в каюты. Теперь собачий лай слышался совсем близко – он доносился из каюты шкипера.

Корабельный пол под ногами вдруг качнулся. Из-под двери каюты плеснула вода. Начался прилив. Надо было торопиться. Робинзон толкнул дверь. Она была заперта. Пришлось вернуться за топором. Услышав удаляющиеся шаги, пес разразился отчаянным лаем. Выскочив на палубу, Робинзон увидел, что прилив снял корабль с мели и вот-вот его унесет в море. Но оставить живое существо, обречь его на верную гибель он не мог.

Когда дверь каюты разлетелась в щепы под ударами топора, в коридор хлынула вода, а на грудь Робинзону бросился весь мокрый белый лопоухий пес. Он так вилял хвостом, что, казалось, вот-вот отвалится вся его задняя половина. Но и Робинзон был несказанно счастлив. Уже привыкнув к мысли, что остался на острове один-одинешенек, он вдруг обрел друга. Однако надо было спешить.

Робинзон вновь кинулся на палубу. Пес, путаясь под ногами, не отставал. Разыскав еще пару сломанных весел от корабельной шлюпки, Робинзон оттолкнул нагруженный плот и направил его к берегу.

Вскоре перед ним открылась небольшая бухточка. Сильное течение быстро несло плот, и Робинзону оставалось только править веслом, стараясь держаться середины фарватера. Плот накренился то в одну сторону, то в другую, и весь груз съезжал по наклонной плоскости. Робинзон кидался на противоположную сторону, выравнивая плот. Умный пес тут же повторял его рывки.

Наконец, плот вошел в бухту, вернее, в устье небольшой речки. Робинзон воткнул в песчаное дно весла по обе стороны плота, держа его как на якоре.

– Ну, что, дружище, кажется, жизнь налаживается, – обратился он к своему новому другу с горькой усмешкой.

Пес радостно завилял хвостом и единым прыжком перемахнул на берег. Робинзон не рискнул оставить плот. Он уселся на край, решив дожидаться отлива. Только после того, как плот прочно сядет на обмелевшее дно, можно будет начать разгрузку.

Разгрузив плот, Робинзон еще несколько раз плавал к кораблю. В одну из таких поездок на плот вдруг с диким мяуканьем прыгнули две кошки. Они шипели и не давались в руки и, едва плот пристал к берегу, кинулись прочь. Робинзон с сожалением глядел им вслед. «Ничего, думал он, кошки корабельные, домашние. Будет у меня дом – прибегут».

Собаку Робинзон оставлял на берегу охранять свое богатство, ибо немного опасался, что в его отсутствие какие-нибудь звери уничтожат съестные припасы. Впрочем, возвращаясь на берег, он не замечал никаких следов непрошенных гостей. Однако мог пойти дождь, и подмочить не только сухари, но и, что еще опаснее, порох. И Робинзон стал устраивать укрытие.

Прежде всего он нарезал в ближней роще несколько длинных жердей. Выбрав высокую плоскую скалу, он врыл рядом с ней жерди и натянул на них полотнище паруса. Получилась палатка с одной каменной стеной, нечто вроде крытой террасы. В эту довольно просторную палатку он перенес все, что могло испортиться от дождя или солнца. Опасаясь нападения диких зверей или людей, Робинзон снаружи, с трех сторон палатки нагромоздил вал из пустых ящиков и бочек. Вход в палатку он загородил большим сундуком, вышибив из него предварительно дно и поставив боком. Получился отличный тамбур с толстой дверью.

Теперь оставалось только разостлать на земле пару тюфяков и кинуть на них подушки. В головах из осторожности Робинзон положил два заряженных пистолета, а по правую руку рядом с тюфяком – ружье. У самого входа он расстелил обрывок парусины для собаки.

Впервые за эти дни Робинзон провел ночь в постели. Усталость сморила его, он крепко спал почти до самого утра. Перед рассветом разбудило его гудение моря. Выйдя из палатки, Робинзон увидел, что снова начинается шторм. Ветер со свистом рвал пенную поверхность

воды. Холмами ходили волны. Казалось, и сам остров, будто застигнутый врасплох корабль, вот-вот сорвется со всех якорей, и унесет его в открытое море. Хлынул ливень.

Робинзон нырнул обратно в палатку, где пес уже жался к связкам веревок в углу. Парусина прогибалась под потоками дождя, но, к счастью, выдержала напор ветра. Робинзон еще раз порадовался, что успел устроить пусть временное, но спасительное убежище.

Полдня бушевала буря, и вдруг все разом утихло. Выглянув наружу, Робинзон не обнаружил корабля. Буря доконала его, и обломки разметала по морю, которое теперь до самого горизонта было пустынным. Как вовремя он успел вывезти на берег самое необходимое!

Неожиданная буря навела Робинзона на мысль, что его наспех устроенное укрытие в другой раз может и не спасти его. Надо было устроить основательное жилище подальше от берега и в укрытом от ветра месте. Может быть, вырыть землянку за ближайшим холмом? Но из его дома должен был открываться вид на море, чтобы не упустить случая спастись, если провидение пошлет ему какой-нибудь проходящий мимо корабль.

Глава шестая КРЕПОСТЬ

Не сразу взялся Робинзон за устройство прочного и долговечного дома. В душе его еще не растаяла надежда на скорое избавление. Но вот прошла неделя-другая с того дня, когда несчастный оказался на острове. Он вдруг испугался, что потеряет счет времени. А это была та невидимая нить, которая еще связывала его с потерянными миром. У него, правда, появились найденные на корабле в каюте капитана чернила, перья и бумага. Но их было так мало, что Робинзон решил пока приберечь и пузырек с чернилами, и пачку бумаги.

На берегу, там, куда его выбросило море, он водрузил большой деревянный столб. Привинтив к столбу обломок бортовой доски, Робинзон вырезал на ней ножом первую надпись:

«Здесь я ступил на берег 30 сентября 1659 года».

Теперь он каждый день делал топором зарубки на широкой грани столба. Шесть коротких и одну подлиннее, обозначающую воскресенье. Зарубки, отделявшие первое число каждого месяца, делались еще длиннее.

Так началась его долгая жизнь на необитаемом острове. Если бы не беседы с самим собой, то можно было сказать, что жизнь Робинзона протекала в полном безмолвии.

Итак, первым делом надо было все-таки выстроить более или менее удобный и, главное, безопасный дом. Предприняв путешествие по окрестностям, Робинзон, наконец, нашел вполне подходящее место для устройства жилища. Это была небольшая ровная площадка на склоне высокого холма. Выше холм поднимался отвесной стеной, оберегавшей будущее жилище от нападения сверху. Ниже площадки склон шел неправильными уступами, переходя в низину у берега моря. Робинзон измерил площадку шагами – она оказалась около ста метров в ширину и метров двести в длину.

Первым делом Робинзон прочертил по краю площадки большой полукруг, намечая границы будущей ограды. Затем он принялся вырубать и затачивать колья, заколачивая их глубоко в землю по всему полукругу в два ряда. В узкое пространство между рядами заостренных кольев он насыпал и плотно утрамбовывал обрубки корабельного каната. Получился отличный крепкий частокол.

Изнутри Робинзон укрепил свою ограду подпорками из достаточно толстых бревен. Ни ворот, ни калитки делать он не стал, а соорудил приставную лестницу, которую каждый раз, войдя в свое убежище, убирал.

Не один день ушел на сооружение частокола. Внутри Робинзон поставил палатку, куда с невероятным трудом и перетащил все свое добро. Палатка упиралась в вертикальный склон горы, где была довольно глубокая впадина. Робинзон решил ее расширить и устроить настоящую пещеру, которая служила бы погребом. Вырытую землю и камни он насыпал в мешки и стаскивал к ограде, насыпая из них ров и, таким образом, укрепляя частокол.

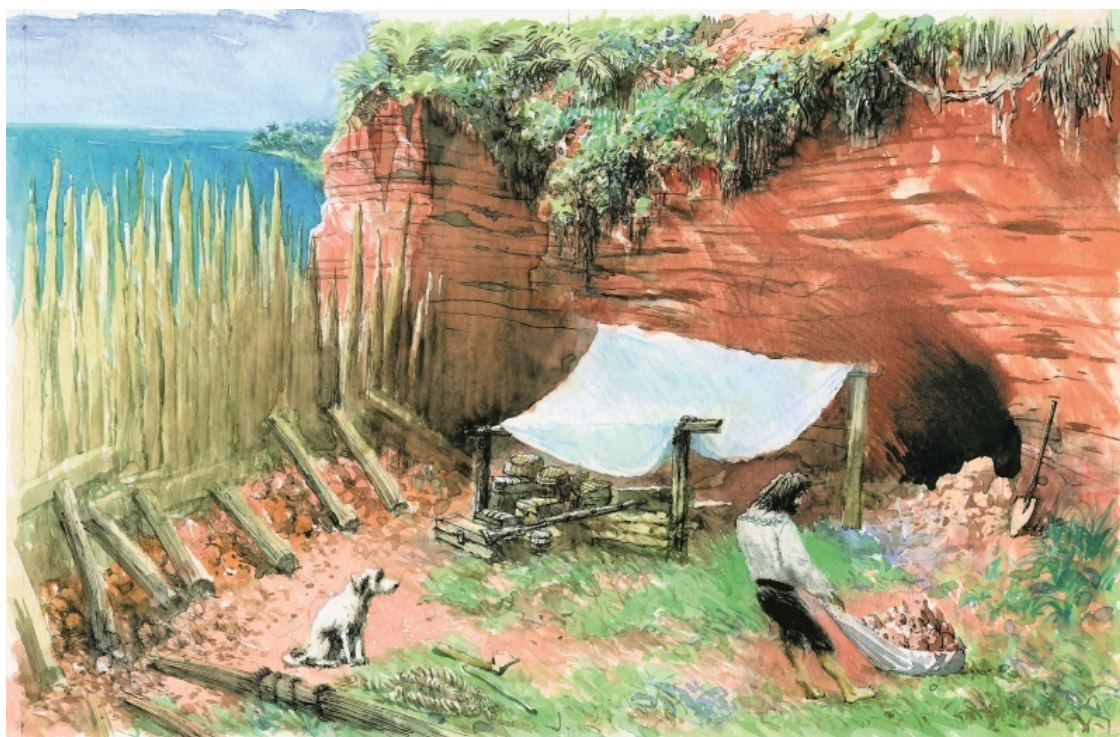
На второй день работы вдруг разразилась гроза. Громыхал гром, сверкали молнии, которые, казалось, готовы были пронизать полотно палатки. С каждой вспышкой молнии она превращалась в тревожно мерцающий розовый купол. Казалось, что это не треск электрического разряда, а трещит, разрываясь, брезент над головой.

– Мой порох! – воскликнул Робинзон.

Он вовсе не боялся, что порох намокнет. Его напугали молнии. Стоило любой из огненных стрел угодить в один из бочонков, и от всего запаса, да что говорить! – от всей крепости и его самого ничего бы не осталось.

Как только гроза утихла, Робинзон принялся шить из обрезков паруса небольшие мешочки и пересыпать в них порох. Теперь, разделенный примерно на сто частей и укрытый в разных местах, порох не мог вспыхнуть весь разом. На эту работу у Робинзона ушло целых две недели.

ДНЕВНИК

Дни идут ровной чередой. Я уже начинаю терять счет времени. Так нельзя. У меня есть теперь бумага, перо и склянка чернил. Пока не будут исписаны все листы бумаги и не иссякнут чернила, буду писать свой дневник и записывать сюда все, пусть самые малые события моей нынешней жизни. Если мне не суждено будет вырваться отсюда, то, может, эти записки попадутся какому-нибудь путешественнику, которого судьба забросит на этот остров.

Начну с первого дня, пока впечатления его не исчезли из памяти.

Итак, 30 сентября 1659 года я, несчастный Робинзон Крузо, волею злой судьбы оказался на этом заброшенном острове. Каких только жалоб я не возносил небу, сколько горьких слез не излилось из моих глаз! Опасаясь диких зверей, я провел ночь на высоком разлапистом дереве. Но утреннее солнце приветствовало меня, и печаль моя немного сгладилась.

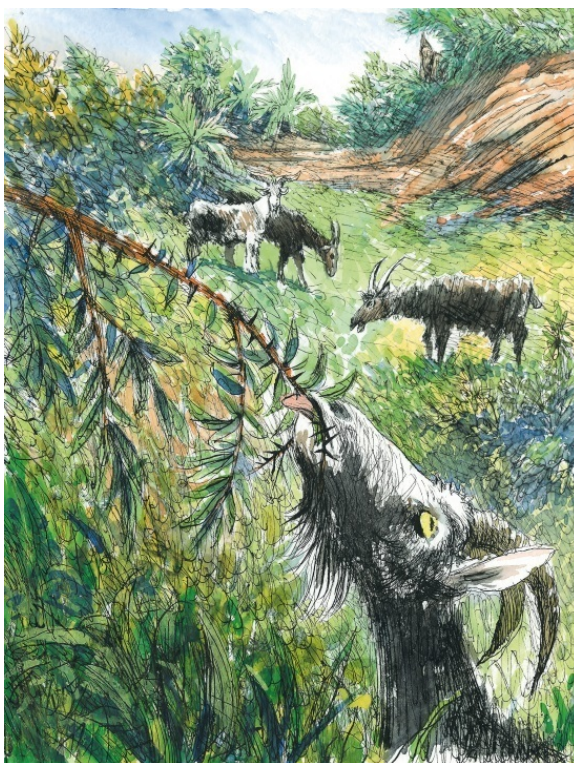
А вскоре заботы вернули мне силы. Теперь я уже и не помню своих жалоб и не понимаю прошлого уныния. Надежда со мной. А все остальное я сделаю своими руками. Времени у меня, увы, в избытке.

Глава седьмая КОЗОЧКА

Да, единственное, что было у него в избытке, – это время. Зато все остальное – порох, пули – следовало беречь. Но понял Робинзон это не сразу. Он ежедневно выходил на охоту и стрелял любую птицу, годящуюся в пищу. Стрелок он был неважный, и, прежде чем добыть дичь на обед, тратил немало зарядов. Подсчитав свои запасы, Робинзон ужаснулся. Их хватило бы при такой расточительности на месяц-другой, не больше. А потом предстояло питаться лишь плодами с деревьев и корешками трав. Так недолго превратиться в настоящего дикаря.

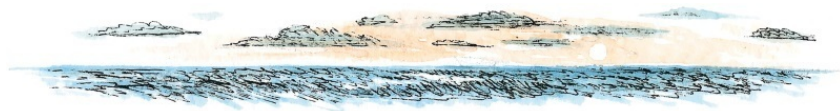
Осматривая окрестности острова, Робинзон нередко забредал достаточно далеко и даже оставался ночевать там, где его застала быстро упавшая темнота. Прикорнув под деревом или просто на песке, он нисколько не опасался нападения дикого зверя, которых, как он убедился, здесь не было, и тем более людей: остров был необитаем. Как-то Робинзон, преодолевая цепь высоких холмов, отделяющих побережье от сердцевины острова, оказался над крутым обрывом. Внизу расстилалась просторная долина, на которой паслось стадо диких коз. Пугливые эти животные не видели Робинзона, стоявшего высоко над ними на скале, и спокойно щипали сочную траву. Первым же выстрелом он убил козу. Остальные брызнули в разные стороны и мгновенно скрылись в ближних зарослях. Спустившись вниз, Робинзон увидел маленькую белую козочку, которая смирно стояла около убитой матери. И когда Робинзон взвалил тушу козы на спину и понес ее домой, козочка побежала следом. Так они и добрались до его убежища. Козочка доверчиво терлась о ноги Робинзона и жалобно блеяла.

– Ты голодна? – спросил Робинзон. – Но чем же тебя кормить, малышка? У меня нет молока.

В этот момент ему и пришла в голову мысль отловить несколько коз, приручить их и доить. «Непременно устрою загон», – решил он.

Но чем же сейчас насытить козочку? Робинзон размочил в воде найденные на утонувшем корабле сухари и поставил перед ней миску с этой кашицей. К его удивлению, малышка принялась с жадностью уплетать незнакомую еду. Так у Робинзона появился еще один бессловесный дружок.

Глава восьмая ПОПУГАЙ

Как ни странно, но жизнь на необитаемом острове постепенно налаживалась. И все же иногда Робинзона охватывала острая тоска по прошлой жизни, по людям. Как же ему хотелось услышать свое имя, вылетевшее из человеческих уст! Имя, которым его звали родные, друзья, соседи. Но беднягу окружали только звуки природы. Шелест ветра. Шум прибоя. Шорох песка и скрип камешков под ногами. Гортанные крики птиц. И тогда у него невольно вырывались горестные слова: «Ах, Робин, Робин! Бедный Робин Крузо!»

В тот день Робинзон Крузо отправился в путешествие вдоль берега моря. Он собирался подыскать подходящее местечко для загона, где много травы и можно держать стадо коз. Прогулка оказалась очень приятной. Правда, солнце пекло нещадно. Однако сделанный из козьей шкуры зонтик защищал его от солнечных лучей. К тому же он старался держаться в тени, которой щедро делились густые кроны деревьев.

Долгая прогулка утомила Робинзона. Он отыскал тенистое местечко под разлапистым деревом и с наслаждением растянулся на мягкой траве. Знойный воздух был недвижим. Неуловимый звук звенящей тишины, казалось, закладывал уши. Глаза Робинзона сомкнулись сами собой, и его охватила сладкая дрема. «Ах, Робин, Робин. Бедный Робин...» – бормотал он, засыпая. И снова снились ему далекая Англия, уютный дом, где он сидел у камина в кругу своих родных.

Сколько времени он проспал? Час? Два? Вдруг его разбудил чей-то скрипучий голос. – Робин! Бедный Робин! – раздалось над головой.

Робинзон Крузо вскочил и в испуге стал оглядываться. Никого! Наверное, приснилось. Но, встревоженный, он уже не мог успокоиться и стал обшаривать кусты, держа наготове ружье

– Ах, Робин, Робин! – снова донесся до него откуда-то сверху жалостливый голос.

И тут Робинзон Крузо заметил в густой зелени попугая. Он топорщил яркие перья и прицеливался костяным клювом, вновь и вновь картаво приговаривая:

– Р-робин! Ах, Ррр-обин!

Сам не зная почему, Робинзон Крузо протянул руку и позвал:

– Попка! Иди ко мне!

И пестрая птица доверчиво слетела с ветки и уселась ему на плечо, с любопытством заглядывая в глаза.

Осторожно, стараясь не спугнуть попугая, Робинзон Крузо подхватил свою сумку и поспешил обратно к своему убежищу. Кажется, у него появился новый товарищ и – о чудо, ниспосланное небом! – собеседник.

Глава девятая СТОЛЫ И СТУЛЬЯ

В углу ограды у Робинзона лежала груда досок – остатки обшивки корабля. Пора было приниматься за обустройство дома. Конечно, странно было бы называть нелепую палатку домом, но Робинзон уже привык к этому. Он так и думал: «Пора домой» или «Вот я и дома».

Первым делом он принялся мастерить стул, вернее, трехногую табуретку. Это представлялось ему самым легким. Но все оказалось не так-то просто. Прошла неделя прежде, чем изделие приняло более или менее знакомую форму и надежную устойчивость. Но, почувствовав уверенность, Робинзон теперь принялся за стол. Потом соорудил и полки.

Дело наладилось. Теперь он взялся за домашнюю утварь и всяческие орудия труда. Вместо круглой миски у Робинзона получилось небольшое корытце. Но и его он выжигал и долбил дня четыре. Зато деревянную лопату он так ловко выстрогал, что и сам залюбовался. А вот с тачкой пришлось повозиться основательно. Труднее всего было круглить колеса. Деревяшки все время раскалывались, пока не нашлось какое-то крепкое дерево, ствол которого напоминал скорее железный столб. Однако терпения Робинзону было не занимать. Он выиграл спор с железным деревом, набив мозоли на ладонях. Зато колеса получились на славу. Теперь, устраивая подземное хранилище для своих запасов, он уже не выносил землю в парусиновом лоскуте, а выкатывал на груженной доверху тележке.

Но обнаружилась новая беда. Земляной потолок подвала начал проседать и готов был вот-вот обвалиться. Струйки земли просачивались сквозь трещины. Надо было подпереть чем-нибудь ненадежный свод. Робинзон размышлял недолго. Он подпер потолок деревянными столбами, протянув поверху каждого крест накрест широкие доски. Получился даже не подвал, а просторный зал с торжественной колоннадой. Робинзон перенес сюда свои припасы, упакованные в свежесколотенные ящики или в набитые битком полотняные узелки и мешочки. Устроил несколько маленьких полочек, чтобы то из провизии, что могло намокнуть, поднять повыше от земляного пола. В этой пещере он частенько ночевал, чувствуя себя здесь в безопасности. Здесь же он и заполнял время от времени страницы своего дневника.

Но именно в связи с этим появилась еще одна надобность. На острове начинало темнеть в семь часов, и Робинзон вынужден был ложиться спать непривычно рано. Но ни свечей, ни воску у него не было. Значит, нужно сделать какой-нибудь светильник. Решение пришло быстро. Он вылепил из глины небольшую плошку, обжег на солнце. Благо, оно здесь палило нещадно, будто желая расплавить землю. Плошку он наполнил козьим жиром и опустил туда

обрывок старой пеньковой веревки. Огонек на кончике пеньки был слабым и робким. Но даже при таком неверном свете Робинзон мог теперь читать или писать свой дневник, в котором записывал все, что происходило с ним за день.

Хозяйство Робинзона росло и ширилось. Теперь он уже с полным основанием мог говорить: «Мой дом».

Глава десятая ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНЫШКО

Как-то, перебирая вещи, принесенные с потерпевшего крушение корабля, Робинзон наткнулся на небольшой мешочек с ячменными зернами. Угол мешочка был проеден крысами, все зерно высыпалось, и осталось всего несколько зернышек. Он вспомнил, что на борту корабля была любимая матросами птичка, это и был, вероятно, ее корм. Недолго думая, Робинзон вышел из дома и прямо тут же вытряхнул мешочек.

«Зашью, — рассуждал он, — и насыплю туда порох». Он так и сделал да и забыл думать о той горстке зерен, что высыпал на утоптанную площадку перед домом. А тут зарядили дожди. Робинзон на целый месяц превратился в затворника. Сооруженный им из козлиных шкур зонтик не спасал от ливня, бьющего струями, как хлыстом. Пришлось пережидать непогоду под крышей. Впрочем, это не доставляло ему больших неприятностей. Ведь на полке над столом стояли книги с корабля, среди которых была Библия в потертom кожаном переплете. И Робинзон с удовольствием читал страницу за страницей. Но вот дожди кончились, и опять пришли знойные дни, когда распаленное солнце, казалось, ни на миг не хотело окунаться в море.

Робинзон вышел наружу и обомлел. Прямо перед его домом тянулись из земли несколько зеленых стебельков. Что это за растение вдруг выросло прямо перед порогом? Осторожно ступая, Робинзон на всякий случай обошел ростки стороной. Каково же было его удивление, когда всего через несколько дней под благодатным солнцем и в щадящей тени от ближней скалы ростки заколосились. Тут он и вспомнил о нескольких ячменных зернышках.

И в тот же миг почему-то подумал, что уже давно не ел хлеба. И ему неожиданно припомнился кисловатый запах теста в квашне, а потом и жаркий вкус свежеиспеченного каравая. Робинзон присел на корточки и любовно погладил шершавые колоски.

— Это подарок неба! — прошептал он.

Вскоре ячмень созрел, но зерен оказалось так мало, что глупо было толочь их в муку – намелется горстка! А еще глупее сварить ложечку каши и съесть в один присест.

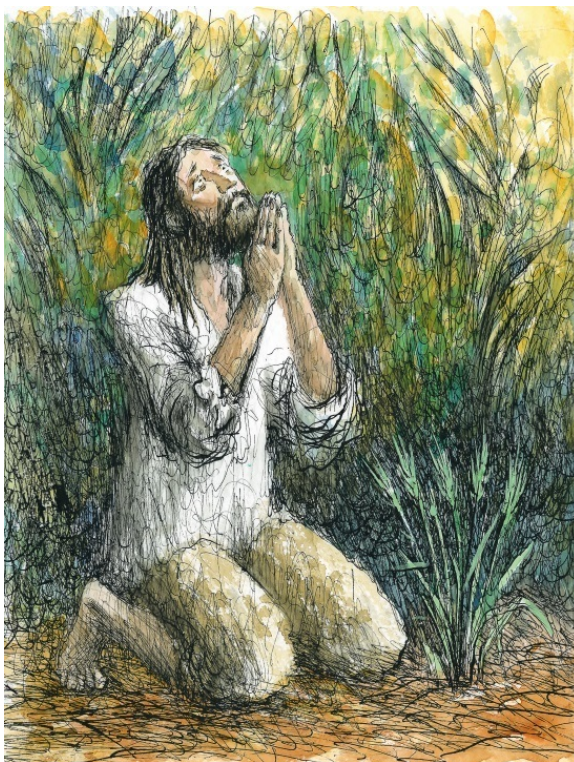
Робинзон давно смирился с тем, что придется провести на острове годы и годы, а то и всю жизнь. Значит, времени у него много. А здесь, под ежегодным жарким солнцем, стоящим в зените, можно, кажется, собирать урожай каждые три месяца. И он снова посадил собранные зерна, только теперь аккуратно вскопав грядку, огородив ее небольшим частоколом и, на всякий случай, накинув сетку от птиц.

А тем временем принялся ладить ступку, чтобы размалывать, а точнее, толочь зерно, и складывать небольшую печь. Для тепла она ему была пока не нужна, а вот выпекать в ней хлеб будет сподручно!

Выдолбить камень для ступки ему было не под силу. И тогда он приспособил под ступку большую колоду из твердого дерева. Углубление в нем пришлось выжигать. Много возни было и с печью. Вернее, с очагом, выложенным по краю хорошо обожженными четырехугольными плитами.

Какой же восторг вызвала первая, кривоватая, испачканная в золе лепешка! Настоящий хлеб!

– Как же я мог не ценить это восхитительное кушанье в моей прошлой жизни! – восклицал Робинзон, отламывая кусочек за кусочком от пресноватой лепешки и старательно ссылая на ладонь драгоценные крошки.

ДНЕВНИК

16 апреля. Давно я не трогал страниц своего дневника. Все дни заняты были обустройством моего одинокого быта. И вот на днях чуть было не пропали все труды мои, не рухнуло все дело рук моих. Да и сам я чудом остался жив.

Третьего дня случилось землетрясение! Но расскажу по порядку. Я спал в своей пещере, когда мне прямо на голову посыпалась земля. Не успел я опомниться, как затрещали и рухнули два столба, поддерживавшие потолок. Остальные столбы качались и скрипели. Я выскочил наружу. Земля под ногами у меня ходила, будто палуба корабля в шторм. Деревья скрипели,

высокие гибкие пальмы раскачивались и кланялись чуть ли не до земли. Три сильных толчка один за другим сотрясли все вокруг за несколько минут. Я не удержался на ногах, упал и покати́лся к корням кряжистого дуба. И это меня спасло. С ужасающим грохотом откололась и рухнула вниз целая вершина ближней скалы. Обломки камней упали дождем, усеяв все вокруг. Несколько острых осколков впилось прямо надо мной в ствол дуба.

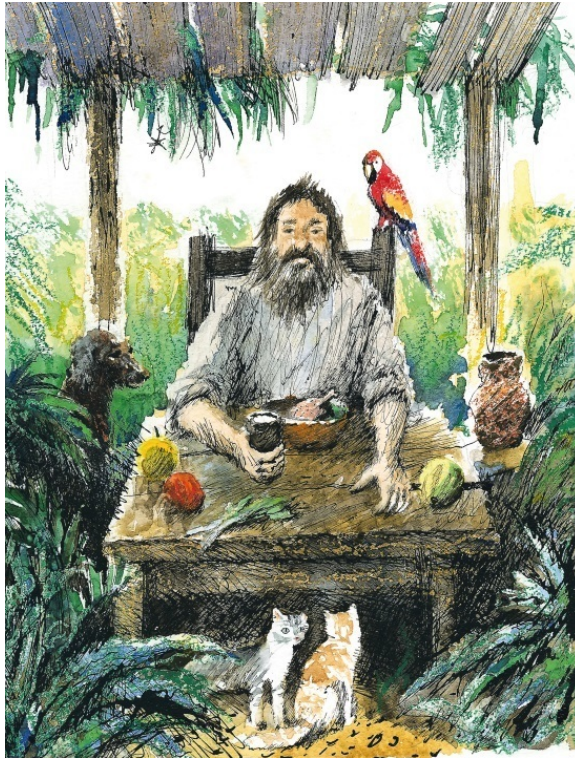
Океан всколыхнулся. Гигантские волны обрушивались на берег. Ничего подобного я раньше не видел. Мой казавшийся таким мирным и тихим остров просто взбесился. Я видел, как с соседних холмов неслись стада диких коз. Чайки с криками носились низко над потемневшей водой. Но стихия как внезапно вскипела, так же неожиданно и успокоилась. Хлынул дождь. Он зарядил надолго. Вот уже неделю я не выходил из дома. Но сегодня, кажется, солнце ласково, и день обещает быть ясным.

В душе у меня наступил мир. Странно, неужели я смирился с мыслью навсегда остаться здесь?

Глава одиннадцатая ПЕРВАЯ НЕУДАЧА

Все удавалось Робинзону. Но ничто не приносило счастья. День и ночь он мечтал вырваться отсюда и добраться до благословенной Англии, услышать голоса родных, увидеть их лица, обнять. И он решил сделать лодку.

Эта затея казалась ему не такой уж безумной. Давно как-то читал он о том, как делают свои пироги дикари. Эти их лодки-долбенки, сделанные из цельного ствола дерева, оказываются такими прочными и устойчивыми, что позволяют им пересекать моря, переплывать с острова на остров и даже на материк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.